

Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 295–304
Speech Genres, 2021, no. 4 (32), pp. 295–304
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-295-304>

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09+929 Водолазкин

Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации в романе Е. Водолазкина «Лавр»

О. В. Кнорц

Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191

Кнорц Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и восточных языков, knorz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8019-1219>

Аннотация. Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации позволяет пролить свет на особенности феномена молчания, выявить его разновидности, специфику проявления в русской языковой картине мира и проанализировать функционал в составе художественного текста.

Понятие «отказ от коммуникации» – более широкое явление, чем собственно речевой жанр отказа, поскольку отказ как таковой предполагает негативную реакцию лишь на инициальные реплики побудительного характера, отказ же от коммуникации может стать как реакцией на любое высказывание, так и не носить реактивного характера вообще, то есть быть инициальной репликой в диалоге.

Особенность высказываний с семантикой молчания проявляется в том, что их иллокутивная цель состоит в невозможности или нежелании дальнейшего продолжения коммуникации и достигается при помощи различных языковых средств, прежде всего, лексем, обозначающих процесс говорения, а также модальных модификаторов, выражающих причину такого речевого поведения. Различия между речевыми жанрами, в основе которых лежит отказ, заключаются в самом объекте отказа, в том, от чего отказывается говорящий.

В русской языковой картине мира молчание характеризуется тем, что является коммуникативным действием, состоит не в отсутствии речи, а передаче информации несловесным способом. В таком случае оно именуется коммуникативно значимым молчанием.

Анализ лексической структуры романа Е. Водолазкина «Лавр» позволил выявить важные фрагменты текста, связанные с молчанием, получить информацию о картине мира автора и о его отношении к феномену молчания.

Ключевые слова: молчание, речевая ситуация несогласия, речевой жанр отказа, иллокутивная цель, отказ от коммуникации

Для цитирования: Кнорц О. В. Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации в романе Е. Водолазкина «Лавр» // *Жанры речи*. 2021. № 4 (32). С. 295–304. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-295-304>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semantic-pragmatic potential of reports of refusal of communication in the roman of E. Vodolazkin “Lavr”

O. V. Knorz

Siberian Transport University, 191 D. Koval'chuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Olga V. Knorz, knorz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8019-1219>

Abstract. The semantic and pragmatic potential of statements of refusal to communicate allows shedding light on the peculiarities of the phenomenon of silence, identifying its varieties, the specifics of manifestation in the Russian linguistic picture of the world and analyzing the functionality as part of a literary text.

The concept of “refusal to communicate” is a broader phenomenon than the actual speech genre of refusal, since refusal as such implies a negative reaction only to initial motivational responses, while refusal of

communication can become both a reaction to any statement or not be reactive at all, that is, to be the initial remark in the dialogue.

The peculiarity of statements with the semantics of silence is manifested in the fact that their illocutionary goal is the impossibility or unwillingness to continue communication and is achieved using various linguistic means, first of all, lexemes denoting the speaking process, as well as modal modifiers expressing the reason for such speech behavior. The differences between speech genres, which are based on rejection, lie in the very object of rejection, in what the speaker rejects.

In the Russian linguistic picture of the world, silence is characterized by the fact that it is a communicative action, it consists not in the absence of speech, but in the transmission of information in a non-verbal way. In this case, it is called communicatively meaningful silence.

The analysis of the lexical structure of E. Vodolazkin's novel "Laure" made it possible to identify important fragments of the text associated with silence, to obtain information about the author's worldview and his attitude to the phenomenon of silence.

Keywords: silence, speech situation of disagreement, speech genre of refusal, illocutionary goal, refusal of communication

For citation: Knorz O. V. Semantic-pragmatic potential of reports of refusal of communication in the roman of E. Vodolazkin "Lavr". *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 295–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-295-304>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данное исследование выполнено в русле антропоцентрического направления, активно разрабатываемого в последнее время в лингвистике, суть которого состоит в изучении говорящего субъекта, проявляющего свою языковую и коммуникативную компетенции через язык. Актуальность работы состоит в том, что высказывания с семантикой отказа от коммуникации в романах Е. Водолазкина (в том числе и молчание) до сих пор не были предметом специального исследования. Между тем их изучение способно углубить представление о речевой ситуации несогласия, представителем которой они являются [1: 34–38].

Целью исследования является раскрытие семантико-прагматического потенциала высказываний с семантикой отказа от коммуникации.

Объектом исследования является речевой жанр отказа от коммуникации в пространстве современной русской языковой картины мира (описание речевого жанра и его языковое воплощение, свидетельствующее о прекращении общения).

Предмет исследования – семантико-прагматический потенциал вербальных способов обозначения отказа от коммуникации в русскоязычном дискурсе.

Основным материалом исследования послужил текст романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» [2].

Содержание понятия «отказ от коммуникации»

Прежде всего необходимо определиться с объёмом понятия «отказ от коммуникации». Речевой жанр отказа от коммуникации – более широкое понятие, чем выделенный и описанный нами ранее так называемый речевой жанр отказа¹ [1: 48], поскольку является не только негативной реакцией на инициальные реплики побудительного характера¹, но предполагает обратную связь на любое высказывание (просьбу, приказ, требование, сообщение, вопрос, мнение и т. д.)², а также может вообще не носить реактивного характера, став инициальной репликой в диалоге³.

Таким образом, данное понятие может быть сформулировано следующим образом: **отказ от коммуникации** – это нежелание или

¹Ср.: ОТКАЗ₁ – речевой жанр, при котором в ответ на реплику-стимул (выраженную вербально или невербально, прямо или косвенно), содержащую волеизъявление, говорящий субъект отвечает отрицанием, причем делает это вербально (прямо или косвенно), привлекая по возможности для выражения речевого акта арсенал невербальных способов (жесты, мимику, интонацию и др.) [1: 9–10].

²Отказ от коммуникации вызван нежеланием говорящего отвечать на поставленный вопрос. Ср.: – *Правда ли, что вы отказались от «Влюбленного Шекспира» в пользу Гвинет Пэлтроу? – Знаете, я лучше не буду отвечать на такие вопросы. Это не по-братски* (К. Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» // «Экран и сцена», 2004.05.06).

³Отказ от продолжения разговора на определённую тему не вызван никакой инициальной побуждающей репликой, о чем свидетельствует реакция собеседника (*А я и не спрашиваю*). Ср.: – *Как порядочный человек, – заявил Холодилин, – имена моих боевых товарищей, носителей этих настроений, я не назову. – А я и не спрашиваю!* (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

невозможность говорящего поддерживать продолжение существующего общения.

Ситуация отказа от коммуникации имеет следующие разновидности: 1) невозможность или нежелание дальнейшего продолжения коммуникации; 2) коммуникативно-значимое молчание, или силенциальное высказывание; 3) уход от ответа, уклонение от разговора. В рамках данной работы мы остановимся на первых двух типах отказа: отказе от дальнейшего продолжения разговора и коммуникативном молчании – высказываниях, вызванных нежеланием или невозможностью говорящего поддерживать процесс коммуникации.

Особенности высказываний с семантикой невозможности или нежелания дальнейшего продолжения коммуникации

Иллокутивная цель высказываний с семантикой невозможности или нежелания дальнейшего продолжения коммуникации состоит в отказе от дальнейшего продолжения коммуникации и достигается при помощи различных языковых средств, в основе которых находятся лексемы, обозначающие процесс говорения (*говорить, разговаривать, коммуницировать*) и модальные модификаторы, выражающие причину такого речевого поведения (*не могу, не желаю, не буду, отказываюсь, зарекаюсь*). Основные различия таких речевых жанров заключаются в объекте отказа (в том, от чего отказывается говорящий). Это может быть либо сигнал о завершении коммуникации вообще⁴, либо отказ от дальнейшего продолжения разговора на какую-то определенную тему или в связи с какими-то иными обстоятельствами – так называемый частичный отказ⁵.

Молчание как разновидность отказа от коммуникации и его проявление в русской языковой картине мира

Одной из разновидностей отказа от коммуникации является молчание. Несмотря на относительную новизну изучения эффекта молчания (по мнению лингвистов, «в отечественной науке о языке молчание начинает

изучаться в 1990-е годы» [3: 36]), существует множество интерпретаций и подходов к анализу этого явления. Данная работа предлагает свой определенный взгляд на этот феномен.

Осмысление феномена молчания в когнитивно-дискурсивной парадигме современной лингвистики намечается в работах Н. Д. Арутюновой [4], Т. О. Анохиной [5], В. В. Богданова [6–9], Е. В. Тетерлевой, Т. Д. Кузьминых [10], С. В. Крестинского [11], М. Эпштейна [12], О. Е. Носовой [13], Иоко Инубуси [14], М. И. Рудик [15] и др.

Что же такое *молчание*? Согласно толкованию, представленному в Большом академическом словаре русского языка, лексема *молчание* имеет три лексико-семантических варианта, из которых первый («действие по глаголу *молчать*; отсутствие речи, разговора») является основным, а два других («отсутствие публичных высказываний о чем-либо; отсутствие печатных произведений в какой-либо период (у писателя)» и «отсутствие каких-либо звуков; полная тишина») – переносными [16: 1209–1210]. С молчанием как отказом от коммуникации непосредственно связан первый лексико-семантический вариант⁶.

В. Н. Бабаян, обобщая современные исследования стратегических ресурсов молчания, выделяет 9 «групп намерений», к которым относится избегание ответа и молчание как несогласие, а значит и отказ, как одна из разновидностей речевой ситуации несогласия [17: 96–97].

Следует отметить, что *молчание* не всегда свидетельствует об отказе от коммуникации, существуют случаи обратного употребления (ср. известную поговорку *молчание – знак согласия*)⁷. Однако такие случаи не будут являться предметом нашего рассмотрения.

Молчание по своей сути имеет денотативно-коннотативное значение, приводит к реализации в речи прагматического эффекта. Оно является коммуникативным действием и имеет знаковый характер, поскольку понимается лингвистами не как отсутствие речи, а как передача информации несловесным способом. Молчание отождествляется с «эквивалентом действия» или «антидействием», так как оно

⁴В данном примере содержится отказ от дальнейшего продолжения коммуникации вообще, маркером такого отказа является авторский комментарий (*он отключился*). Ср.: – *Хачатрян казался удрученным. – Все-все, больше говорить не могу. Но жду. Он отключился* (С. Данилюк. Бизнес-класс).

⁵Отказ от коммуникации в данном примере является частичным, он вызван несогласием говорящего с предметом разговора. В случае устранения данных коммуникативных барьеров дальнейшая коммуникация может быть продолжена. Ср.: *Теперь послушаем, как Теллер ответил на прямой вопрос журналиста, как он обходится с «вопросом о Боге»: «О вещах, которых не понимаю, я говорить не буду»* (Г. Горелик. Основы научного паратеизма).

⁶Ср.: *У крыльца его ждала толпа. Он обвел ее взглядом и ничего не сказал. Толпа тоже молчала. Она понимала, что говорить здесь ничего не требуется* [2: 358].

⁷Ср.: *Идем в военный клуб, где живем, позвольте нам пройти. В ответ ї полное молчание. Истолковав это как согласие пройти, мы сделали несколько шагов вперед* (1957 год. Первый афганский «десант» // «Солдат удачи», 2004.02.11).

является противодействием речи [4: 107]. В таком случае можно говорить об особом, коммуникативно значимом, молчании. Таким образом, коммуникативно значимым молчанием является молчание, посредством которого был произведен процесс передачи-приема информации и ее адекватное декодирование в определенной речевой ситуации. Относительно предмета нашего рассмотрения молчание является также подтверждением отказа говорящего поддерживать коммуникацию.

Существует тенденция рассмотрения коммуникативной многозначности молчания как так называемого «нулевого речевого акта» [10: 63]. По мнению В. В. Богданова, молчание в качестве нулевого речевого акта характеризуется неспособностью словесно выразить мнение; общностью коммуникативного тезауруса, наличием понятной для говорящих ситуации; этикетными причинами; индивидуальными особенностями участников разговора [6: 14–15].

Е. В. Тетерлева и Т. Д. Кузьминых отмечают, что внешне, по своему акустическому составу, молчание тождественно тишине, означает отсутствие звуков и структурно гораздо ближе к разговору. Коммуникативно значимое молчание может быть двух типов: 1) молчание, для которого существует потенциальный вербальный заменитель (альтернативно-вербальное молчание); 2) молчание, для которого нет адекватного вербального эквивалента (цит. по [10: 60]). В данной работе мы будем рассматривать первый вариант – молчание, которое потенциально вербально может быть заменено на **‘отказ продолжать дальнейшую коммуникацию’**.

По мнению некоторых философов, характерной чертой русской нации являются две диаметрально противоположные черты: ее молчаливость и ее многословность, которые в русской языковой картине мира тесно взаимосвязаны⁸. С одной стороны, русская культура – это культура молчаливая, целомудренная, застенчивая, берегущая свой сокровенный смысл, стыдящаяся его выговорить, вывести наружу. С другой стороны, эта культура – необычайно говорлива, утомительно суесловна, и слова в ней заменяют дела [12].

В различных культурах существует разное отношение к молчанию. С одной стороны, у русских людей молчание весьма ценится, не случайно с детства ребенка приучают к тому, что *слово – серебро, молчание – золото*. С другой же стороны, существует и отрицательная оценка молчания, проявляющаяся,

по мнению И. А. Стернина и К. М. Шилихиной, «в <...> нетерпимости к молчанию в компании, в группе» [18: 51].

Итак, семантико-прагматический потенциал высказываний с семантикой молчания как отказа от коммуникации состоит в том, что молчание является коммуникативно значимой единицей общения, это коммуникативный акт, структурно близкий к разговору, делящий с ним интенциональную обращенность сознания на что-то и характеризующийся социальным табуированием. Данный акт коммуникации имеет поливекторный характер и в зависимости от контекстуальных условий общения может выполнять множество разнообразных коммуникативных функций, основными из которых являются отказ от дальнейшего продолжения коммуникации на заданную тему и отказ от совершения предписываемых говорящему действий.

Феномен молчания в романе Евгения Водолазкина «Лавр»

Феномен молчания как коммуникативно значимого действия наиболее ярко воплощен в романе Евгения Водолазкина «Лавр» [2]. Созданное специалистом по древнерусской литературе, учеником Д. С. Лихачева, произведение, отнесенное автором к жанру романа-жития, в 2013 г. становится обладателем премии «Большая книга» и получает высокую оценку критиков. Данный текст был выбран нами не случайно: именно в нем молчание как отказ от коммуникации становится важнейшим системообразующим элементом, помогающим, с одной стороны, дать характеристику его персонажей, и, с другой, явиться воплощением авторской концепции, неким «репрезентантом мировидения автора» [19: 126].

Роман неоднократно становился объектом рассмотрения в работах Б. М. Бочкиной [20], М. Г. Махиной и М. М. Сидоровой [21, 22], Н. В. Трофимовой [23], Н. К. Шутой [24], О. Б. Пановой и О. В. Кодочиговой [25], Е. А. Ивановой [26] и др.

В пределах данного исследования предпринята попытка анализа художественного текста с лингвистической точки зрения, через слово. Данный подход в современной лингвистике стал возможен благодаря его (слова) поливекторности, поскольку слово как единица языка и речи обладает сложной разнообразной многослойной структурой и способностью к семантическому варьированию [19: 126]. Основным способом изучения функционирования слова в таком случае становится

⁸Ср.: «Отличительной чертой русской традиции является подчеркивание своей глубинной **бессловесности**, при этом громко и упорно молча, пряча это молчание за **обилием слов**» [10: 61].

лексическая структура, или тематическая сетка текста, в составе которой слово обретает возможность объединять и концентрировать свои «морфологические, семантические, прагматические, коммуникативные свойства» [27: 52]. Несмотря на то что «Лавр» Е. Водолазкина повествует о событиях далекого прошлого, рассматривать его в одном ряду с явлениями сегодняшней коммуникации допустимо и правомерно, поскольку, с одной стороны, семантика и прагматика феномена молчания в настоящее время практически не изменились, а, с другой стороны, изучение отказа от коммуникации на материале романа-жития позволяет прояснить некоторые особенности его современного сценария.

Лексическая структура романа «Лавр» отличается сложностью и многогранностью, где *молчание* имеет множество текстообразующих связей по разным осям семантического пространства. Семантическое поле *молчание* становится одним из ключевых в тексте. В центре его находится лексема *молчать*, ее дериваты, а также некоторые из многочисленных синонимов⁹. Семантическую сетку текста образуют следующие лексемы: *молча* (34), *молчать* (24)¹⁰, *не говорить* (18)¹¹, *молчание* (13)¹², *беззвучно* (13), *безмолвно* (8), *тишина* (8)¹³, *не говоря ни слова* (6), *замолкать* (3)¹⁴, *безмолвие* (3)¹⁵, *безмолвный* (2)¹⁶, *не произнося ни слова* (2), *тише* (2), *беззвучный* (1), *без звука* (1), *без хруста* (1), *молчаливо* (1), *молчаливый* (1), *замолкая* (1), *замолчал* (1), *не хочу говорить* (1).

Молчание в романе имеет статус «эквивалента действия», при помощи которого необходимая информация передается собеседнику особым, несловесным способом. На это чаще всего указывают авторские ремарки. Например, из авторского комментария становится понятно, что молчание калачника Прохора на вопрос, действительно ли приготовленные

им калачи являются «нечистыми», явилось ответом для присутствующих¹⁷. Авторским комментарием сопровождается «речь» Арсения (*сказал ли?*), в которой он в ответ на упреки Устины «заявляет», что не молчит. Однако лишь благодаря словам автора можно сделать вывод, что вербального ответа все-таки не последовало, хотя ответное действие персонажем и было совершено¹⁸.

Тематическая сетка романа включает в себя так называемое «единство и борьбу двух противоположностей»: *слова* (речи) и *молчания* (отсутствия речи). Это противопоставление начинается с «семантико-экспрессивного пространства» имени (вернее, имен) главного героя. По справедливому замечанию Т. Н. Бунчук и А. И. Дуркина, имена персонажей в романе – это особый авторский замысел, прием, изучение которых очень важно «для раскрытия писательского замысла» и «проникновения в глубинные структуры текста» [28: 1].

Внутреннее противоборство двух стихий: *слова* и *молчания* начинается в романе именно с семантики имен. Как следует из повествования, всего у главного героя было 4 имени (*Арсений*, *Устин*, *Амвросий*, *Лавр*) и 2 прозвища (*Рукинец*, *Врач*). Два из них, *Арсений* и *Врач*, непосредственно связаны с темой *молчания*. В книге есть отсылка к истокам именованию героя: он появился на свет 8 мая 1440 г. «в день памяти Арсения Великого» и спустя неделю «во имя Арсения он был крещен» [2: 13]. Как отмечают Т. Н. Бунчук и А. И. Дуркин, из всех четырех имя *Арсений* является самым употребительным (1547 из 1903 упоминавшихся в тексте), более того, для автора романа герой почти всегда остается *Арсением*, даже несмотря на принятие/присвоение иных имен. Это объясняется желанием автора романа продемонстрировать «духовное единство» разных ипостасей главного героя и объяснить мотивацию его поступков [28: 4]. Семантика *молчания*, *отказа*

⁹По данным словаря синонимов, всего имеется 84 синонима к слову *молчание*, из которых наиболее употребительными являются: *ответ*, *молча*, *тишина*, *точка*, *покой*. Применительно к предмету нашего рассмотрения частотными можно назвать редко используемые синонимы этого слова: *смолкать*, *умалчивание*, *беззвучие*, *замолкать*, *притихнуть* [*Молчание* – синонимы и близкие по смыслу слова [Электронный ресурс]. URL: <https://wordsonym.ru/%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 12.11.2020), свободный].

¹⁰*молчал* (7), *молчишь* (4), *молчала* (4), *молчат* (3), *молчать* (3), *молчит* (2), *молчу* (1)

¹¹*не говорю* (2), *не говорит* (3), *не говорят* (2), *не говорил* (7), *не говорила* (1), *не говорили* (3)

¹²*молчание* (5), *молчания* (4), *молчанием* (1), *молчания* (1), *молчанию* (1)

¹³*тишина* (3), *тишине* (2), *тишину* (1), *тишины* (1), *тишиной* (1)

¹⁴*замолкает* (2), *замолкают* (1)

¹⁵*безмолвие* (2), *безмолвия* (1)

¹⁶*безмолвного* (1), *безмолвному* (1)

¹⁷Ср.: *Минувшей ночью сей фрукт совокуплялся с женой. Потом, не омывшись, месил тесто и лепил свои калачи. Утром хотел продавать нечистый продукт православным <...> Это правда, спросили присутствующие. Калачник Прохор не отвечал, но его молчание тоже было ответом* [2: 190].

¹⁸Ср.: *Среди ночи Устина приподнялась: мальчик умер, так почему же ты молчишь, ты молчишь уже несколько часов. Я не молчу, (сказал ли?) Арсений откуда-то издали. Как я могу молчать?* [2: 94].

от коммуникации связана в имени с монахом-отшельником Арсением Комельским, который отказался от обычной мирской жизни и молча, «не разговаривая ни с кем»¹⁹, совершал подвиги.

В одном из прозвищ главного героя – слове *Врач* – также присутствует противоборство *слова* и *молчания*. В тексте романа содержится отсылка к лексемам «*врати – заговаривать*». Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово» [2: 7–8]. Антонимия *говорить – молчать* усиливается с помощью тройного ряда градонимов. Оказывается, что в процессе лечения говорят все, кроме главного героя: 1) врачи, чтобы заговорить болезнь; 2) больные, чтобы подробно описать, что с ними происходит; 3) родственники больных, чтобы уточнить и внести поправки в «показания близких». Особенность же «человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало», чаще всего **безмолвно** смотря на больного, поскольку он помнил слова Арсения Великого: «Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о **молчании** я не жалел никогда» [2: 7–8]. Эти же самые слова будут в тексте практически дословно повторены еще раз, но уже при других обстоятельствах. Они будут знаменовать новый этап в жизни Арсения – *отказ от коммуникации* при помощи слов и переходу к абсолютному *молчанию*. Посчитав себя виновным в смерти незнакомца, в мысленном обращении к Устине Арсений заявляет, что причиной всему было неосторожно сказанные слова, и именно от них впредь при общении с людьми он отказывается²⁰.

Конечно, количественно больше всего молчание относится именно к Арсению (43 из 78 упоминавшихся в тексте), тем не менее, помимо Арсения в романе молчат и другие персонажи. Молчание он разделяет вместе с Сильвестром (*они пошли молча*), сестрами-монахинями (*строительство велось по обоюдному молчанию*), завеличскими людьми (*Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим*),

Амброджио (*Арсений и Амброджио молча смотрели ему вслед*) и проч. Молчат все родные Арсения (бабушка, жена Христофора; Христофор; Устина; мертворожденные сын Арсения; отец и т. д.), а также другие главные и второстепенные персонажи (Амброджио, Анастасия, юродивый Фома, Елезар, князь, всадник, Иван и Евдокия, сестры-монахини, младенец Анфим, калачник Прохор, иерей Иоанн, брат Гуго, толпа, Иона и Питирим и др.).

В тексте очень много противопоставлений *слова* и *молчания*. Приведем некоторые из них.

Крик (Анастасии) – молчание (жителей, ветра, деревьев). Крики Анастасии, переходящие в хрипы, плавно перетекают в молчание жителей Рукиной слободки. Оппозиция *слово – молчание* передается здесь при помощи нисходящей градации: *кричит – замолкает – хрипит – замолкают – стихает – не шелестят*²¹.

Уговоры (Христофора) – молчание (жены Христофора); уговоры (настоятельницы) – молчание (Арсения). Уговоры Христофора произнести хотя бы слово не действуют на его жену, убитую молнией. Уговоры настоятельницы остаются в келье, чтобы пережить стужу, встречаются молчанием Арсения. В действие вступает оппозиция **уговоры – молчание**²².

Вопросы (присутствующих) – молчание (Арсения). Вопросы о том, кто он такой, натываются на молчание Арсения. Использованный автором «диалог» примечателен еще тем, что читатель вскоре понимает, что все описанное было галлюцинацией и никакого диалога вовсе и не было: «казавшиеся присутствующими отсутствовали». Арсений вступил в несуществующую коммуникацию с неживыми предметами (ручкой плуга, хомутами, санными полозьями, оглоблями и коромыслами)²³.

Произнесенные слова (игуменом Алипием) – молчание (людского моря). Оглашение завещания Лавра вызывает реакцию молчания людской толпы. Здесь интересна исполь-

¹⁹История происхождения имени Арсений [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenieimenu.ru/imena/arsenij/> (дата обращения: 12.11.2020), свободный.

²⁰Ср.: Я, который виноват в его смерти, тепл и жив. <...> Я погубил его произнесенным словом. <...> Помнил ведь Арсения Великого, неоднократно сожалевшего о словах, которые произносили уста его, но ни разу не сожалевшего о молчании. **Не хочу** отныне **говорить** ни с кем, кроме тебя, любовь моя [2: 162].

²¹Ср.: Из пещеры раздается **крик**. <...> Анастасия кричит <...> Аверкий бьет ее лицом о колено. Анастасия **замолкает** <...> Она **не кричит**, она **хрипит**. До ушей стоящих этот хрип летит целую вечность <...> Все **замолкают**. **Стихает** утренний ветер, и деревья больше **не шелестят** [2: 427].

²²Ср.: Он (Христофор. – О. К.) **уговаривал** жену **встать и вернуться** домой. Она **молчала**. И ничто не могло заставить ее **говорить** [1: 19]. По распоряжению настоятельницы Арсения переместили в дальнюю келью, где ему было велено переждать лютую стужу. По прошествии же трех дней Арсений покинул дальнюю келью и вернулся в свой дом на кладбище. На все **уговоры** остаться он отвечал **молчанием** [2: 200].

²³Ср.: Они (присутствующие. – О. К.) **спрашивали** Арсения, кто он таков, но он **молчал** [2: 172].

зованная автором метафора моря: произнесенные слова начинают шириться в людском море, как круги на воде²⁴.

Примечательна роль в романе некоторых персонажей, в частности юродивого Карпа. С позиции семантики его имя весьма символично. По мнению Т. Н. Бунчук и А. И. Дуркина, оно в определенный момент «становится **символической границей** между двумя периодами жизни Арсения», плодом²⁵, результатом «наступившей духовной зрелости Арсения, его готовности к путешествию ко Гробу Господню» [28: 6].

С позиции же **молчания** Карп выполняет роль своеобразного **альтер эго** главного героя: пока Карп был жив, он брал на себя роль рупора Арсения/Устина, донося до других его намерения и помыслы. Когда же Карпа не стало, Арсению пришлось отказаться от молчания и вновь вернуться к словесной форме коммуникации с другими людьми. Не случайно юродивый Фома говорит ему о том, что со смертью Карпа в его молчании больше нет никакого смысла, он лишается теперь этой возможности и должен начать новый этап жизни – совершить паломничество в Иерусалим [2: 245].

Тем не менее, пройдя все перипетии судьбы, побывав в различных жизненных обстоятельствах, совершив путь от отказа от слова к его принятию, в конце жизненного пути Арсений, столкнувшись с непреодолимой проблемой, вновь просит о помощи жителей лишь молча. Авторский комментарий при этом объясняет причину этого тем, что все сказанное уже вошло в уши людей и впитано их глазами, поэтому легко можно обойтись без слов²⁶.

В конце романа обозначенные противоположности **слово – молчание** сливаются,

образуя целостную мозаичную картину мира: слова начинают звенеть тишиной, а тишина слова произнесенного оказывается сильнее тишины молчания: *Вернувшись, он никому ничего не рассказывал. Он вообще говорил очень мало. <...> теперешние его слова звенели такой тишиной, какая не свойственна самому глубокому молчанию* [2: 356]. Тема мозаики и упорядоченного хаоса в тексте также не случайна. Четыре абсолютно непохожие друг на друга жизни, прожитые одним человеком, в итоге собираются в одну цельную композицию, соединенную на глубинном уровне и устремленную к высшему началу – к Богу. Именно об этом Лавру говорит старец Иннокентий в ответ на его озабоченность отсутствием единства жизни и рассыпаемости ее на части²⁷. И теперь Лавру предуготована новая миссия – стать земным светильником Бога²⁸. Цикличность и завершенность жизни Лавра в итоге проявляется в том, что в конце земного пути она оказывается неразрывно связана со всеми ее предыдущими этапами, особенно с началом²⁹. И именно на этом этапе молчание обретает новый смысл: теперь уже Лавр сам (не только слова его) представляет собой вселенское молчание, не оставляя после себя никаких звуков³⁰.

Кроме того, следует указать еще на один момент лексико-семантического варьирования слова **молчание** в романе, когда оно является не отказом, а согласием. Молчание как знак согласия употребляется в ситуации строительства нового жилья для Арсения на территории кладбища: *За этой работой следили монахи, но ничего Арсению не говорили. С его стороны они также не услышали никаких слов. Строительство велось по обоюдному молчаливому согласию* [2: 180].

²⁴Ср.: *Служба в храме толпе не слышна. Вначале ей не слышны и слова, произнесенные игуменом Алипием на церковной паперти: он оглашает заветание Лавра. Но эти слова Алипием произнесены. Они ширятся по толпе, как круги от брошенного в воду камня. Через минуту людское море замолкает, ибо предстоит нечто невиданное* [2: 439].

²⁵Ср.: *Имя Карп в переводе с греческого означает 'плод' <...> ассоциативно выражает мысль о наступившей духовной зрелости Арсения, его готовности к путешествию ко Гробу Господню. Мысль о посещении Иерусалима, как плод, созрела в душе Арсения после долгого юродствования. Не зря именно Карп, до этого ничего, кроме собственного имени не говорившего, вдруг произносит: «Кто ми будет спутник до Иерусалима?»* (Цит. по [27: 6]).

²⁶Ср.: *Лавр оглядывает толпу и опускается перед ней на колени. Он ничего не говорит. Все сказанное уже вошло в уши, которые он лечил. Впитано глазами, которые он тоже лечил. Он просит у них о милости, которую сам оказывал им столько лет* [2: 432].

²⁷Ср.: *Быть мозаикой – еще не значит рассыпаться на части <...> Это только вблизи кажется, что у каждого отдельного камешка нет связи с другими. <...> Но и в мозаике жизни твоей есть то, что объединяет все отдельные ее части, – это устремленность к Нему. В Нем они вновь соберутся.* [2: 401–402].

²⁸Ср.: *И все удивились произошедшему, и восславили небесного Бога и Его земного светильника Лавра* [2: 415].

²⁹Ср.: *Жизнь продолжалась во всем своем многообразии. Она двигалась хаотично, как и положено жизни, состоящей из миллионов частиц, но вместе с тем просматривалась в ней и какая-то общая направленность. <...> к его [Лавра. – О. К.] собственному началу, с которым всеобщая жизнь открылась и для него* [2: 408].

³⁰Ср.: *И Лавр отправился на поиски того места, где его душа чувствовала бы себя в покое. <...> Лавр ступал по полусгнившим веткам, и под его ногами они ломались без хруста* [2: 403].

Таким образом, анализ лексической структуры романа Е. Водолазкина «Лавр» позволил выявить важные фрагменты текста, связанные с молчанием, и получить информацию о картине мира автора в целом и о его отношении к феномену молчания в частности. Молчание как отказ от коммуникации играет в романе роль сюжетобразующего элемента, знаменуя переход героя от одного состояния к другому, а также является средством характеристики персонажей романа и важным элементом изучения модификаций и взаимосвязей слова в составе художественного произведения.

Заключение и перспективы

Семантико-прагматический потенциал высказываний отказа от коммуникации, выполненный в русле антропоцентрического направления, показал, что отказ от коммуникации – более широкое понятие, чем собственно речевой жанр отказа: он может стать реакцией на любое высказывание или вообще не иметь реактивный характер.

Структура отказа от коммуникации представлена невозможностью или нежеланием дальнейшего продолжения коммуникации, коммуникативно-значимым молчанием, а также уходом от ответа, уклонением от разговора.

Иллокутивная цель высказываний отказа от коммуникации состоит в отказе от дальней-

шего продолжения общения и достигается при помощи различных языковых средств.

Молчание как разновидность отказа от коммуникации рассматривается нами как «нулевой речевой акт», структурно близкий к разговору и делирующий с ним интенциональную обращенность сознания на что-то.

Молчание имеет поливекторный характер, помимо причин данного действия эксплицируется отказом от дальнейшего продолжения коммуникации на заданную тему, отказом от совершения действия и др.

Существует два типа коммуникативно значимого молчания: 1) молчание, для которого существует адекватный вербальный эквивалент и 2) молчание, для которого такого эквивалента нет.

В романе Е. Водолазкина «Лавр» молчание как отказ от коммуникации играет сюжетобразующую роль, означает переход героя от одного состояния к другому, является средством характеристики персонажей романа и важным элементом формирования лексической структуры текста.

Перспектива дальнейшего исследования отказа от коммуникации состоит в его изучении на материале различных дискурсов, а также в осмыслении социального статуса и таксономии этого феномена, в частности, изучение отказа как ухода от ответа, уклонение от разговора.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность и благодарность доктору филологических наук, профессору кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» Татьяне Александровне Трипольской за определяющие идеи, ценные советы и важные замечания, поддержку и участие при планировании исследования, за обсуждение результатов данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бычихина О. В.* Высказывания со значением отказа : семантико-прагматический и когнитивный аспекты : дисс. ... канд. филол. наук : Барнаул, 2004. 216 с.
2. *Водолазкин Е. Г.* Лавр. М. : Астрель, 2012. 448 с.
3. *Копылова Т. Р.* Молчание в современной лингвистике : подходы к анализу // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. Вып. 2. С. 36–39.
4. *Арутюнова Н. Д.* Молчание : контексты употребления // Логический анализ языка : Язык речевых действий. М. : Наука, 1994. С. 106–117.
5. *Анохина Т. О.* Комуникативно-прагматичні аспекти силентіального ефекту // Вісник СумДУ. 2006. № 3 (87). С. 175–179.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author is grateful to Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Professor of the Modern Russian Language Department of Novosibirsk State Pedagogical University for her constructive ideas, valuable advice, and important comments, for her support in designing this research and discussing its results.

6. *Богданов В. В.* Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы : сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1986. С. 12–18.
7. *Богданов В. В.* Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение : Единицы и регулятивы : сб. науч. тр. Калинин : Изд-во КГУ, 1987. С. 18–24.
8. *Богданов В. В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 90 с.
9. *Богданов К. А.* Очерки по антропологии молчания : Homo Tacens. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997. 349 с.
10. *Тетерлева Е. В., Кузьминых Т. Д.* Отношение к молчанию в различных лингвокультурах // Language : Russian. In book. Проблемы романо-германской филологии, философии, педагогики и методики преподавания

иностранных языков : сб. науч. тр. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2009. С. 60–64.

11. Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2011. Вып. 1. С. 34–37.

12. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 247–281.

13. Носова О. Е. Пословицы о роли и месте молчания : лингвокультурологический анализ // Вестник Башкир. ун-та. 2008. № 13. С. 543–546.

14. Инубуси Иoko. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

15. Рудик І. М. Реактивне мовчання у діалогічній єдності питання – відповідь // Вісник Харківського національного університету ім. Н. В. Каразіна. 2003. № 611. С. 144–146.

16. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. 1460 стб.

17. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная стратегия в диалоге // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 2. С. 93–98.

18. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Истоки, 2001. 135 с.

19. Ружа О. А. К вопросу о лексической организации текста : опыт прочтения рассказа И. А. Бунина «Сосны». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-leksicheskoy-organizatsii-teksta-opyt-prochteniya-rasskaza-i-a-bunina-sosny> (дата обращения : 12.11.2020).

20. Бочкина Б. М. Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» (2017) // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2017. № 3. С. 475–483.

21. Махнина М. Г., Сидорова М. М. Историческое время в романе Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура. 2016. № 2. С. 271–274.

22. Махнина М. Г., Сидорова М. М. Мифологема смерти / рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Филология и культура. 2017. № 2. С. 174–178.

23. Трофимова Н. В. Традиции древнерусской литературы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Рема. 2016. № 2. С. 7–20.

24. Шутая Н. К. Базисная топология в романе Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). С. 56–58.

25. Панова О. Б., Кодочигова О. В. Традиции древнерусской культуры в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Язык и культура : сб. ст. XXIX междунар. науч. конф. (Томск, 16–18 окт. 2018 г.). Ч. 1. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. С. 62–69.

26. Иванова Е. А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 66–71.

27. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. Коммуникативная стилистика художественного текста : лексическая структура и идиостиль. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 331 с.

28. Бунчук Т. Н., Дуркин А. И. Стилистические функции имен персонажей в романе Е. Во-

долазкина «Лавр» // Огарев-online. 2018. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/stilisticheskie-funkcii-imen-personazhej-v-romane-e-vodolazkina-lavr> (дата обращения : 12.11.2020).

REFERENCES

1. Bychikhina O. V. *Vyskazyvaniya so znacheniem otказа : Semantiko-pragmaticeskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse with the meaning of rejection : semantic-pragmatic and cognitive aspects]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Barnaul, 2004. 216 p. (in Russian).

2. Vodolazkin E. G. *Lavr* [Lavr]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 448 p. (in Russian).

3. Kopylova T. R. Silence in Modern Linguistics : Approaches to Analysis. *Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology*, 2014, iss. 2, pp. 36–39 (in Russian).

4. Arutyunova N. D. Silence : Contexts of Use. In: *Logicheskii analiz yazyka : Yazyk rechevykh deistvii* [Logical analysis of language : Language of speech actions]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 106–117 (in Russian).

5. Anokhina T. A. Communicative and pragmatic aspects of the silent effect. *Vestnik SumGU*, 2006, no. 3 (87), pp. 175–179 (in Ukrainian).

6. Bogdanov V. V. Silence as a zero speech act and its role in verbal communication. In: *Yazykovo obshchenie i ego edinitsy : sb. nauch. tr.* [Language communication and its units : coll. sci. arts.] Kalinin, Izd-vo KGU, 1986, pp. 12–18 (in Russian).

7. Bogdanov V. V. Functions of verbal and non-verbal components in speech communication. In: *Yazykovo obshchenie : Edinitsy i regulyativy : sb. nauch. tr.* [Language communication : Units and regulations : coll. sci. arts.]. Kalinin, Izd-vo KGU, 1987, pp. 18–24 (in Russian).

8. Bogdanov V. V. *Rechevoe obshchenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Verbal communication. Pragmatic and semantic aspects]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1990. 90 p. (in Russian).

9. Bogdanov K. A. *Ocherki po antropologii molchaniya : Homo Tacens* [Essays on the Anthropology of Silence : Homo Tacens]. Saint Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 1997. 349 p. (in Russian).

10. Teterleva E. V., Kuz'minykh T. D. Attitude towards silence in various linguistic cultures. In: *Language : Russian. In book. Problemy romano-germanskoi filologii, filosofii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Language : Russian. In book. Problems of Romano-Germanic philology, philosophy, pedagogy and methods of teaching foreign languages : coll. sci. arts.]. Perm, Perm. gos. ped. un-t, 2009, pp. 60–64 (in Russian).

11. Krestinskii S. V. Silence as a means of communication and its functions in linguistic discourse. *Herald of Tver State University. Ser. Philology*, 2011, iss. 1, pp. 34–37 (in Russian).

12. Epshtein M. Word and silence in Russian culture. In: *Ironiya ideala. Paradokсы russkoi literatury* [The irony of the ideal. Paradoxes of Russian literature]. Moscow, Novee literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 247–281 (in Russian).

13. Nosova O. E. Proverbs about the role and place of silence : linguistic and cultural analysis. *Bulletin of the Bashkir University*, 2008, no. 13, pp. 543–546 (in Russian).

14. Inubusi Ioko. *Fenomen molchaniya kak komponent kommunikativnogo povedeniya* [The phenomenon of silence

as a component of communicative behavior]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 24 p. (in Russian).

15. Rudik I. M. Reactive silence in dialogical unity question – answer. *Bulletin of the Kharkiv National University. N. V. Karazin*, 2003, no. 611, pp. 144–146 (in Ukrainian).

16. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t., pod red. A. M. Babkina, S. G. Barkhudarova, F. P. Filina* [Babkin A. M., Barkhudarov S. G., Filin F. P., eds. Dictionary of Modern Russian Literary Language : in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1957, vol. 6, 1460 stb. (in Russian).

17. Babayan V. N. The silent observer and the phenomenon of silence as a communicative strategy in dialogue. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2. Philology. Art History*, 2009, iss. 2, pp. 93–98 (in Russian).

18. Sternin I. A., Shilikhina K. M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, Istoki Publ., 2001. 135 p. (in Russian).

19. Ruzha O. A. On the question of the lexical organization of the text : the experience of reading the story of I. A. Bunin “Pines”. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-leksicheskoy-organizatsii-teksta-opyt-prochteniya-rasskaza-i-a-bunina-sosny> (accessed 12 November 2020) (in Russian).

20. Bochkina B. M. Reflection of the medieval concept of time in the novels by E. Vodolazkin “Laurus” and “Aviator”. *RUDN Bulletin. Ser. Literary Criticism. Journalism*, 2017, no. 3, pp. 475–483 (in Russian).

21. Makhinina M. G., Sidorova M. M. Historical time in Vodolazkin’s novel “Laurel” (to the problem statement). *Philology and Culture*, 2016, no. 2, pp. 271–274 (in Russian).

22. Makhinina M. G., Sidorova M. M. Mythologem of death / birth in the novel by E. Vodolazkin “Laurel”. *Philology and Culture*, 2017, no. 2, pp. 174–178 (in Russian).

23. Trofimova N. V. Traditions of Old Russian Literature in the novel by E. G. Vodolazkin “Laurus”. *Rhema*, 2016, no. 2, pp. 7–20 (in Russian).

24. Shutaya N. K. Basic topology in Vodolazkin’s novel “Laurel”. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 11 (65), pp. 56–58 (in Russian).

25. Panova O. B., Kodochigova O. V. The traditions of ancient Russian culture in the novel by E. G. Vodolazkina “Lavr”. *Yazyk i kul'tura : sb. st. XXIX mezhdunar. nauch. konf. (16–18 okt. 2018 g.)* [Language and Culture : Collection of Articles of the XXIX International Scientific Conference (Tomsk, October 16–18, 2018)]. Tomsk, Izd. dom Tom. gos. un-ta, 2019, part. 1, pp. 62–69 (in Russian).

26. Ivanova E. A. Linguocultural potential of the novel by E. Vodolazkin “Laurel”. *The World of the Russian Word*, 2014, no. 3, pp. 66–71 (in Russian).

27. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasil'eva A. A. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta : leksicheskaya struktura i idiostil'* [Communicative stylistics of a literary text : lexical structure and idiostyle]. Tomsk, Izd. dom Tom. gos. ped. un-ta, 2001. 331 p. (in Russian).

28. Bunchuk T. N., Durkin A. I. Stylistic functions of the names of the characters in the novel “Laurel” by E. Vodolazkin. *Ogarev-online*, 2018, no. 5. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/stilisticheskie-funkcii-imen-personazhej-v-romane-e-vodolazkina-lavr> (accessed 12 November 2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 8.01.2021 / После рецензирования 17.02.2021 / Принята 23.03.2021

Received 8.01.2021 / Revised 17.02.2021 / Accepted 23.03.2021